

ЭЛИЗАБЕТ АРНОТТ

*Кто сможет раскрыть убийство лучше,
чем жены убийц?*

18+

ЖЕНЫ УБИЙЦ И ИХ ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

Прекрасно написано, с неожиданными поворотами сюжета, которые заставляли меня неотрывно переворачивать страницы.

— Эмилия Харт

ОДНА
ИЗ САМЫХ
ОЖИДАЕМЫХ
КНИГ 2026 Г.
ПО ВЕРСИИ
MARIE CLAIRE

Элизабет Арнотт
Жены убийц и их тайная жизнь
Серия «Neoclassic:
новое расследование»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74315331

Жены убийц и их тайная жизнь : [роман] / Элизабет Арнотт; АСТ;

Москва; 2026

ISBN 978-5-17-185033-3

Аннотация

Три женщины. Три тени прошлого. Три жены монстров.

Бeverли, Элси и Марго связаны не только дружбой. Их объединяет клеймо: каждая – жена серийного убийцы. Они думали, что кошмар закончился вместе с приговорами их мужей. Но они ошибались.

Новый серийный убийца выбирает жертв в их районе, и старые раны вскрываются вновь. Чтобы остановить маньяка, им придется заглянуть в бездну собственного прошлого и использовать всю свою интуицию, отточенную годами жизни рядом с безумцами...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Элизабет Арнотт
Жены убийц и
их тайная жизнь**

Elizabeth Arnott

The Secret Lives Of Murderers' Wives

© Lunar Books Ltd., 2026

© Перевод Ю. Фокина, 2025

Школа перевода В. Баканова, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Глава 1

Берривью, Калифорния, 1966 год

Странным образом знойная погода заставляет Беверли Лайтфут вспоминать утро, когда она обнаружила в соседском мусорном контейнере одежду своего мужа.

Стояла духота, вот как сегодня; вдалеке рыскал тощий койот. Взгляды зверя и женщины скрестились, прежде чем Беверли подняла крышку контейнера. Присыпанная яичной скорлупой и кофейной гущей, клетчатая рубашка – ее подарок мужу на тридцатипятилетие – была запятнана кровью.

Беверли моргает, чтобы прогнать видение, поправляет зеркало заднего вида, отпускает руль и растопыривает пальцы, чтобы рассмотреть маникюр, сделанный буквально сегодня утром, с розовым лаком оттенка «невинная гвоздика». Беверли хмурится, склоняется ниже, почти уверенная, что лак пошел пузырями на жаре.

По обеим сторонам шоссе высажены пальмы, которые, кажется, едва живы от зноя; тротуары заплотнили граждане в брюках-капри и трикотажных жилетах. При такой жаре – неотступной, настырной, исходящей от самих зданий, пышущей от каждой «зебры» – у людей кружатся головы, особенно здесь, в Берривью, где ни тебе морского бриза, ни даже вялого ветерочка, который всколыхнул бы спертую духоту.

Такая жара длится уже несколько недель: столкновение

погодных фронтов, всего две темы в газетах – жара и бомбардировки Ханоя. «ГОРОД ПЛАВИТСЯ! – нагнетают газетные заголовки. – ВО ВЬЕТНАМЕ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ПОГИБШИХ».

Для коммивояжеров жара – отличный повод постучаться к Беверли в дом. Они являются с напольными вентиляторами, громоздкими переносными холодильниками, ледогенераторами – держат их под мышкой, приглаживают пятерней влажные волосы, лыбятся так, будто нашли сокровище. Вежливо отделавшись от очередного торговца, Беверли устраивается в тени навеса. На каждом дворе, за каждым белым заборчиком и цветущим гибискусом Беверли видит одно и то же: мужчина с широко расставленными ногами, в растегнутой рубашке – точной копии той, что она обнаружила в мусорном контейнере, – промокший насквозь под садовым разбрызгивателем.

Беверли надевает солнцезащитные очки в белой оправе – иначе ее ослепят блеск плавящегося асфальта и сверкание дорогих авто. Впрочем, к встрече с роскошью она морально готова. Она слегка ерзает за рулем своего «Форда Кортина» – от жары бедра прилипают к старому виниловому чехлу сиденья. Платье из саржи кремового оттенка, туго затянутое ремешком на талии, с шелковым бантом на шее уже промокло от пота. И ничего не поделаешь – остается надеяться, что свет софитов не будет слишком ярким, когда она войдет.

Беверли смотрит в зеркало заднего вида. Солнечные лучи

пробиваются сквозь деревья, пляшут, сверкают на окнах. Беверли втягивает щеки, отчаянно впивается в них зубами изнутри. Она злится на свою – предсказуемую до отвращения – память. Стоит только столбцу термометра перевалить за девяносто по Фаренгейту, она, словно собака Павлова, слышит тарахтенье вертолета, видит вспышки красных огней.

Она выключает радио, оттягивает давящий на горло бант, поджимает губы, начинает обмахиваться. Воздух сух и горяч. «Платье из саржи – в такую-то жару? Seriously? Bravo, Беверли».

Платье она извлекла из недр шкафа и специально для такого случая сдала в химчистку. Сам выбор одежды превратился в ритуал, занял несколько дней. Беверли целые часы проводила перед зеркалом, брала плечики с платьями, прикладывала к себе, прикидывала, угадает ли с нарядом. Не слишком строгое. Очевидно, не слишком игривое. Не короткое. Не декольте. И категорическое «нет» красному цвету.

Она нанесла макияж и тут же начала его стирать, будто люди обратят внимание на неподходящий персиковый цвет румян или слишком густо покрашенные ресницы Беверли, будто эти детали дадут им повод подтвердить свое мнение о ней.

Между тем нарядная толпа движется к парадному крыльцу отеля. Блестят под солнцем серебряные полицейские значки и тщательно начищенные пуговицы. Собралась тут не одна сотня: рядовые сотрудники полиции, следователи,

шерифы. При них жены, и тоже в своеобразной униформе: жемчуг на шее, полуприлегающее платье, серьги крупные, как елочные шары. Беверли скользит взглядом по собственным ногам и вздыхает, заметив затяжку на новых колготках.

Она еще раз проверяет, в порядке ли макияж. Буквально слышит голос матери: «Подумай как следует, Беверли. Челка едва ли украсит твое круглое лицо». Тушь немножко размазалась – вон комочки под нижними веками; новая помада марки Coty собралась в уголках губ. Вид подавленный и жалкий.

Беверли достает из сумочки салфетку, ловит себя на том, что руки дрожат. Да что там руки – ее всю трясет, страх вибрирует в венах. Беверли промокает уголки рта, тянется за помадой, гадает, что хуже: адская жара или адская нервная дрожь. Там, в отеле, собрались важные персоны: глядеть будут на нее, слушать ее, думать про себя: «Разумеется, она знала». Или: «Чтобы жена – и ни сном ни духом? Пустое место, ноль без палочки».

За последние пять лет Беверли усвоила одну истину: другие женщины уверены, что уж они-то заподозрили бы неладное, насторожились бы, если бы их мужья творили за пределами дома то, что творил муж Беверли. Ничего бы они не заподозрили, просто им так легче, удобнее – жить с этой уверенностью. У Беверли хватает благородства не огорчать этих женщин истиной.

Еще один взгляд в зеркало. Помада нанесена заново, и

вдруг Беверли видит на парковке ЕГО. Она съеживается за рулем так, что мочки ушей касаются плеч.

– Проклятье!

Тюбик помады выскальзывает из пальцев, падает под ноги.

– Черт побери!

Беверли с ужасом глядит на алую полосу, прочерченную помадой по лифу светлого платья.

Она решается привстать, выглянуть. Роджер Гривз почти пересек парковку, он уже далеко. Даже с такого расстояния Беверли различает его серебристо-седые волосы, зачесанные набок, чувствует свежесть отутюженной полицейской формы, мощь крупного тела. В локоть Роджеру Гривзу вцепилась его жена Инид.

Беверли боится дышать, пока эти двое пересекают парковку; но вот они скрылись за дверьми отеля. На складной доске объявление написано мелом:

3 июля

Торжественный вечер для сотрудников

Полицейского управления Лос-Анджелеса и их семей

Беве́рли торопливо пудрится, стараясь приглушить неуместный румянец, и поднимает голову.

Если она прямо сейчас не войдет – то не войдет вообще.

Если она не войдет, все решат, будто ей есть что скрывать.

Живо, пока не передумала, она распахивает бардачок, выхватывает старую плоскую фляжку. Да, конечно, не следует возить с собой это наследие Генри, но глоток представляет Беве́рли чем-то вроде акта неповиновения. Напиток успел нагреться, он обжигает язык и гортань... Через пару минут Беве́рли может расправить плечи. Когда внизу живота возникает знакомое покалывание, похожее на помехи на телеэкране, Беве́рли прячет фляжку, заправляет за ухо локон и выходит из машины.

Воздух густой, хоть режь его ножом. Беве́рли по очереди проверяет все четыре дверцы форда, обжигая о раскаленный металл кончики пальцев. Повторяет привычную процедуру,

справляется с порывом сделать это в третий раз. Если она немедленно не войдет, у людей возникнут беспочвенные подозрения. История Беверли будет рассказана за нее.

Она уже стоит лицом к парадной двери в золоченой раме проема, когда нечто вынуждает ее чуть попятиться. Из роскошного «Плимут Барракуда» выпархивает молодая женщина, хлопнув водительской дверцей спорткара. Плоские подошвы ее туфелек в стиле Мэри Джейн на ремешках шлепают по асфальту – она спешит войти в отель.

– Извините, – бросается к ней Беверли. – Подождите, мисс! – Беверли хватает незнакомку повыше локтя.

На нее, вскинув выщипанную бровь, смотрит красавица типажа Джин Шримптон¹ в изящном топе с воротником гольф; с виду ей под тридцать, как самой Беверли.

– Извините мою бесцеремонность, но вы забыли запереть машину, – с улыбкой говорит Беверли.

Незнакомка ахает, ее рука взлетает к горлу и касается тонкого, почти прозрачного распятия на цепочке.

– Слава богу! Я подумала, вы хотите продать мне страховку или что-то подобное.

Беверли натужно смеется.

– Нет, я только хотела помочь.

Ей в ответ улыбка, словно она выдала нелепость.

– По-моему, нет причин беспокоиться, – после паузы про-

¹ Английская актриса и модель, одной из первых начала носить мини-юбку. –
Здесь и далее: *примеч. перев.*

износит незнакомка. Она стоит вполоборота к отелю, взмахивает изящной ручкой. – Там собралось сотни три копов. Сегодня эта парковка – самая надежная в городе.

Ну да, она прехорошенькая, эта молодая леди – но красота еще никого не спасла от смерти.

Бeverли натягивает улыбку.

– Если вы не запрете все двери в машине, злоумышленник может туда забраться и спрятаться за сиденьем.

Незнакомка хлопает глазами – она в шоке.

– Для безопасности всегда следует запира́ть машину, – гнет свою линию Beverли.

Глаза незнакомки сужаются до двух щелок, полных отвращения. Молча она делает шаг к своему авто, демонстративно запирает обе дверцы, проходит мимо Beverли, едва не задев ее плечом, прижав сумочку к груди, и скрывается за дверью отеля.

В бальном зале как в парнике – дышать нечем. Распорядители раздали всем бумажные веера, и супруги полицейских ими обмахиваются, приподнимают «хвосты» волос над влажными шеями, являя застежки дорогостоящих ювелирных украшений – сплошной антиквариат с аукционов. Зал, как ватой, окутан гулом голосов, низкий баритон мужских голосов выдает благородство – широкие плечи, набриоли-

ненные волосы, упоительное благоухание «Арамиса». Кто-то пришел в парадной форме. Остальные поглаживают лацканы смокингов, поправляют галстуки-бабочки.

Царит полумрак, столь приятный после сводящего с ума солнечного света. Стены задрапированы черной тканью. Высоко над головой колеблются, подрагивают, вспыхивают стеклянные подвески люстры. Беверли опускает взгляд, касается пятна помады на платье. «Ну конечно. Только больше размазала».

Может, надо было позвать с собой Марго, да еще и Элси взять. То-то бы получилось шоу. «Леди и джентльмены, вы хотели взглянуть на жену серийного убийцы? Вот вам сразу три жены».

Не поднимая глаз, Беверли идет через весь зал, надеется, что по газетным фотографиям никто ее не опознает.

Она всегда завидовала полицейским и их женам. Ведь что для них убийство? Восемь букв в отчете. Его обсуждают за ужином под мясной рулет. Его, как вещдоки с места преступления, запирают на ключ в конце рабочего дня.

Появляется официант с подносом и с низкими, врзлет, как у Ли Марвина², бровями. Беверли берет два бокала шампанского: один в открытую, другой так, чтобы не видел официант, который уже собрался отойти. Живо отворачивается к стене, осушает первый бокал в несколько глотков, ставит

² Американский киноактер (1924–1987), известен ролями злодеев и «крутых парней».

на ближайший столик. Второй бокал она подносит к губам, но передумывает: он нужен ей полным, чтобы было чем занять руки.

– Миссис Лайтфут.

Бeverли едва не выпрыгивает из кожи. Перед ней молодой человек, смазливый, как персонаж из рекламы. Ее примерно возраста – то есть гораздо моложе большинства офицеров в этом зале. Внезапно Бeverли представляет его играющим в теннис: ровный загар на мускулистых ногах, элегантные белые шорты...

– Я теперь мисс Эдвардс, – поправляет она, дольше положенного удерживая взгляд молодого человека.

Именно «мисс», а не «миссис». Потому что миссис Эдвардс – это ее мать.

– Мисс Эдвардс.

Молодой красавец открывает в улыбке зубы, у Бeverли жарко пунцовеют кончики ушей.

– Спикеры приглашаются за кулисы, где можно расслабиться...

Над губой у него две бусины пота.

– Там есть тихая комната, мисс Эдвардс, где вы, если желаете, можете спокойно дожидаться своего... – Он несколько раз моргает, прежде чем произнести слово «выход».

Бeverли отвечает кивком. Молодой человек уже удалился. Через минуту Бeverли сама движется к сцене. Справа, отделенный высокой черной перегородкой, виден коридор,

куда Беверли поспешно ныряет. И вот гул приглушен, взрывы хохота, выкрики крутых парней стихли и превратились в глухое почти незаметное жужжание. В темноте Беверли замедляет шаг, переводит дух, массирует шею под волосами, гордо поднимает голову, успокаивается.

Внезапно ее кожа словно электризуется.

Кто-то смотрит на Беверли.

Она это чувствует, как если бы ее слегка царапали.

– Рад снова встретить вас, миссис Лайтфут.

Электрическое покалывание прекращается. Беверли узнала этот хриплый голос.

Она оборачивается.

– Мистер Корнвелл.

Ее плечи сводит судорога.

– Не думала, что увижу вас здесь.

– Может, напрасно вы пришли?

Корнвелл вскидывает бровь, но не улыбается. Шеф полиции Том Корнвелл не из тех, кто разбрасывается улыбками. Когда он брал Генри, когда бросал Беверли обвинение – мол, знаете кое-что, да запираетесь, – он не улыбался.

– Как жизнь?

– Да так... – Беверли пожимает плечами.

Корнвелл кивает, поглаживает усы.

– Готовы, стало быть? – Он указывает в сторону сцены.

«Нет», – хочет ответить Беверли. К такому она никогда не будет готова. Просто, если сейчас она не выйдет к пуб-

лике, останется под подозрением и у самого Корнвелла, и у всех остальных: покрывала, скажут, своего Генри, знала о преступлениях, да помалкивала.

– Настолько, насколько к этому можно быть готовой, – отвечает Беверли.

Она уже видит себя там, перед скептическими лицами, и вынуждена прислониться к стене для надежности.

– Вы молодчина, правильно поступаете, – Корнвелл на миг сжимает губы, словно учтивость для него болезненна. – Многим поможете своим выступлением.

– Конечно.

Беверли закрывает глаза, подавляет желание рвануть прочь из этого коридора, выскочить на парковку. Впрочем, на фантазии о побеге времени очень мало. Корнвелл смотрит на часы, и в то же мгновение раздается визг – реакция микрофона на пробное постукивание.

Глава 2

– Леди и джентльмены! – Голос распорядителя оглушителен. – Добро пожаловать на торжественный вечер для сотрудников полиции Лос-Анджелеса, их друзей и членов семей, первый и единственный в нынешнем, тысяча девятьсот шестьдесят шестом году.

У Беверли сердце ухнуло в желудок.

– И для начала прошу приветствовать, – продолжает распорядитель, а у Беверли словно рот набили наждачной бумагой, – шефа полиции Тома Корнвелла, главу Калифорнийского отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

Зал рукоплещет.

Беверли затаилась в уголке. Скрытая тенью, она имеет хорошую возможность наблюдать за публикой.

Гости полны внимания, неяркий свет поигрывает на бриллиантах; Корнвелл делает шаг в пятно прожектора. Беверли внезапно понимает, что у мужчин вроде Тома Корнвелла нет поводов нервничать, ведь они – герои по умолчанию, они, как правило, контролируют ситуацию, да еще и внушают всем правильное представление о том или ином человеке.

Кто же в таком случае она сама? Преступница? Подельница? Почти пять лет минуло, а Беверли до сих пор не нашла себе места в этой истории. Она – жена? Несомненно. Женщина, чей удел – мучительный дуализм? Определенно. Она

была близка с убийцей настолько, что помнит, как пахнет его шея и какие звуки он издает во сне; знает, что нижний левый клык у него черный – в драке когда-то стукнули бейсбольной битой. Но именно эта близость не давала ей отступить на шаг и взглядеться; именно кокон рутины мешал понять, что ею просто играют.

– Леди и джентльмены, – начинает Корнвелл.

Бeverли видит, как расправляются плечи от его зычного голоса. Этим же самым голосом он ее допрашивал, забрасывал чудовищными подробностями изощренных преступлений Генри.

– Спасибо вам, что пригласили меня отпраздновать очередной год успешной работы полицейского департамента Лос-Анджелеса. – По-прежнему ни намека на улыбку. – Для меня большая честь рассказать об одном из ключевых моментов в моей карьере.

Это о нем. Это всегда о нем.

– Пять лет назад, в результате расследования, которое потребовало беспрецедентных ресурсов, поддержки окружных шерифов нашего штата и напряженной работы всех моих подчиненных, в том числе моего заместителя Роджера Гривза, я защелкнул наручники на запястьях человека по имени Генри Лайтфут – того, кто целых три года держал в страхе добропорядочных жителей Калифорнии и за свои жестокие преступления получил прозвище Тепловой удар.

Корнвелл делает паузу, но аудитория лишь через секунду

понимает: нужно похлопать.

Каково это, гадает Беверли – стоять перед целым залом народу и требовать восхищения собой? Корнвелл поправляет галстук, играет желваками, упивается аплодисментами; наконец поднимает руки – мол, довольно, тише.

– Я и по сей день помню, – аудитория уже под гипнозом, – как билось мое сердце, когда я дотронулся до Генри Лайтфута. Это было словно прикосновение к воплощенному злу.

Беверли судорожно сглатывает.

– Только знаете что? – Корнвелл поднимает палец. – Может, то действительно был пик моей карьеры, ключевой момент, но... – Он косится на Беверли. – Но момент, вызывающий наибольшую гордость, я переживаю прямо сейчас, здесь, на этой сцене, – Корнвелл указывает себе под ноги, – потому что сегодня вечером с огромной радостью готов представить вам неординарную женщину.

Беверли еще могла бы сбежать. Просто развернуться и сбежать, и никто бы ее не остановил.

– Миссис Беверли Лайтфут, леди и джентльмены.

«Эдвардс моя фамилия! Я теперь мисс Эдвардс!»

– Жену убийцы по прозвищу Тепловой удар.

«Бывшую жену».

– Женщину, которая открыто сотрудничала со следствием, чтобы ее муж был гарантированно осужден.

«Поподробнее насчет открытого сотрудничества».

Внезапно лучи всех софитов концентрируются на Бевер-

ли, и она, застигнутая врасплох, на секунду теряет равновесие. Щурится, морщится от шума в ушах, пока картины дня, когда ЭТО случилось, вспыхивают одна за другой в ее разуме. Наручники. Вертолеты. «Бэндстенд»³ по телевизору. Подростки вихляются под «Чертенка»⁴ в исполнении Нила Седаки; песню Беверли помнит наизусть. Образы наступают, кружат. Солнечные лучи, в этот час золотые, проникают в окна под углом. Утятница, только из духовки, жжет ладони даже через стеганные варежки (на которых изображены кролики). И – грохот, и звон сотни осколков, когда утятница падает на пол.

– Мы неплохо ловим преступников, – продолжает Корнвелл, – но лишь храбрые женщины вроде Беверли Лайтфут знают, каково это – делить с преступником жизнь. И лишь вооруженные информацией именно такого сорта – я бы даже назвал ее откровением, ведь ею владеют только женщины, подобные стоящей сейчас перед вами, – мы, слуги закона, как бы заглядываем к убийце в дом и начинаем понимать, что же происходит за закрытыми дверьми.

На этих словах Беверли чувствует запах Генри. Так от него пахло, когда глубокой ночью он забирался в супружескую постель. Беверли поклясться готова, что этот запах – смесь лосьона «Олд Спайс» и машинного масла – прочно обосно-

³ American Bandstand – музыкальное телешоу, транслировалось с 1952 по 1989 г.

⁴ Англ. «Little Devil».

вался в ее ноздрях. Она сразу тянулась к Генри – бывало, обнимет его со спины, прилипнет, как мокрица...

– Однако довольно слов, леди и джентльмены. Время представить вам потрясающую миссис Беверли Лайтфут.

Аплодисменты оглушительны. Перед Беверли вспыхивают точки, схожие с кометами, но она успевает заметить, как ярко белки выжидающих глаз. Каким-то чудом Беверли оказывается посреди сцены, у микрофона; тянет к нему руку, ощупывает воздух. Швы на платье впились ей в шею сзади. Бант завязан слишком туго. Беверли буквально видит пунцовые вмятинки на собственной коже.

Она просто хотела помочь; просто хотела, чтобы больше не было жертв. Поэтому и сказала «да». Поэтому она здесь. Только она, похоже, разучилась говорить.

Из зала доносится чье-то «кхе-кхе».

Беверли тяжело сглатывает.

– Добрый вечер.

Микрофон отзывается взвизгом. Беверли отскакивает, косится за кулисы. Там Корнвелл: глядит выжидательно, требовательно.

Беверли делает шаг к микрофону, но теперь держит дистанцию. Прикрывает глаза – свет слишком резок; глубоко, шумно вдыхает.

– Добрый вечер, леди и джентльмены. Меня зовут Беверли... Лайтфут. Я была замужем за Генри Джеймсом Лайтфут, который в период с пятьдесят седьмого по шестьде-

сят первый год отнял жизни у семи женщин в районе залива Сан-Франциско. Вот моя история...

Сцену Беверли покидает под овации. Она еще не поняла, как ей это удалось, но во всяком случае дело сделано. Если бы не душевная опустошенность, Беверли сочла бы, что вышло неплохо.

От Корнвелла ей достается надменный кивок. Сделав это усилие, Корнвелл оборачивается – его окликнули.

– Шеф, мы едем в участок, – говорит полицейский, в то время как взгляд его задерживается на платье Беверли, на пятне помады. – Кое-что случилось, шеф.

Офицер смотрит на Беверли, прикидывает, можно ли ей услышать то, что он намерен сообщить.

– У нас труп. Вас заинтересует, шеф. Нестандартное дело.

Глава 3

– Отбеливатель не пробовала? – интересуется Марго с надувного матраса.

Голову она свесила, сквозь опущенные веки видит блестящую паутинку, сплетенную лучами солнца. Марго опускает руку: вода в бассейне прохладная, нежит пальцы, играет лазурью и золотом. Зря она вчера столько выпила; но откуда же ей было знать, что явится Тони Кертис, который «Гибсоны»⁵ смешивает как бог?

Марго гребет к лесенке, вылезает, некоторое время стоит, плавится в зное, сохнет естественным путем. У ее ног миниатюрная саламандра неуловимым движением языка облизнула собственный глаз. Воздух густ, сладко пахнет каприфоль, от бассейна потягивает хлоркой. Двери в кухню раскрыты, по радио поют «Битлз», мелодия «Бульварного писателя»⁶ просачивается в сад. Марго тошнит от этой претенциозной песни. Она оборачивает бедра полотенцем, садится, прикидывает: принесет ли кто ей таблетку тайленола, если она напустит на себя достаточно несчастный вид?

– Она права, – соглашается Элси. – Пятно от помады можно вывести отбеливателем. Замочи платье, потом повесь на

⁵ Коктейль из джина и сухого вермута, дополняется маринованной луковкой, назван в честь художника Ч. Д. Гибсона.

⁶ Англ. «Paperback Writer».

веревку. Мигом высохнет при такой жаре.

– Дети, играйте так, чтобы я вас видела! – вдруг велит Беверли громким голосом.

От ее крика голова у Марго едва не лопается. Бенджамин и Одри, которые бегали в догонялки на лужайке, замирают, послушно кивают матери.

– Наверное, не стоит мне полоскать перед соседями грязное белье, – продолжает Беверли, обращаясь к подругам и поправляя бретельки закрытого купальника в горошек. – Хорошенькое впечатление!

– Дорогуша, меня куда больше беспокоит другое: что на твое белье пялится этот мутный тип из сорок четвертого дома. – Марго берет сумочку, достает номер «Лос-Анджелес таймс» и поднимает на темечко солнцезащитные очки.

– Напрасно ты, Марго. – Британский акцент Элси, кажется, добавляет ее словам укоризны. – Нельзя судить о людях вот так, огульно.

– О мутных типах очень даже можно, – парирует Марго, нарочно повышая голос, и переворачивает газетную страницу. – Можно и нужно, Элси.

Марго бросает взгляд на Беверли, надеясь, что та рассмеется. Но Беверли как будто расстроена; не иначе, вспомнила вчерашний торжественный вечер. Она сильно нервничала, когда к нему готовилась. Она вообще в последнее время вся на нервах. Когда они познакомились – четыре года назад – Бев такая дерганая не была. При первой встрече Марго

кольнула зависть. Бев ее моложе, но дело не в возрасте. Дело – в красоте того сорта, что с ума сводит, а усилий не стоит. Этакая данность. У Беверли вся семья будто сошла со страниц «Лейдиз хоум джорнал»⁷; легче легкого представить ее родню в боулинге или в безалкогольном баре, за солодовыми коктейлями. Марго над своей внешностью трясется – без укладки волос и макияжа ни шагу, плюс постоянные траты на кремы для лица (по слухам, те, которыми пользуется Лиз Тейлор). Словом, сад обихаживает – который, того и гляди, пожелтеет, облетит. С другой стороны, у Бев – нежелательный багаж, и не только в виде мужа-убийцы. Марго такое за милю чует: это из детства, с отцом связано. Короче, Бев надо, чтобы ее постоянно контролировал мужчина. Потому-то она из них троих тяжелее всего переживает тот факт, что муж в тюрьме. Мало ли что он там сотворил с той девчонкой посредством кочерги! Главное – некому больше Беверли на путь наставлять.

Они с Элси приехали к ней домой часа два назад, и Бев сразу сообщила, что вчера торжество быстренько свернули – считай, всех офицеров вызвали на службу, потому что обнаружился труп. Марго следует поподробнее расспросить Беверли, и она бы расспросила, если б не похмелье. Сегодня ей не до мертвых тел.

– Боже, я сейчас расплаволюсь.

Она подливает себе мятного джулепа, которого пригото-

⁷ Один из ведущих женских журналов в США, издавался с 1883 по 2016 г.

лен целый кувшин, размешивает его коктейльной палочкой, осушает стакан в три больших глотка. Снова глядит на Беверли, вздыхает.

– Вчерашнее переживаешь? – Марго решила поддержать Бев. – Судя по всему, ты была великолепна.

– Напрасно я согласилась, – Бев качает головой, поджигает губы. – Слишком много внимания. И пересудов. Теперь соседи только и говорят, что об этом; о нас троих.

– Знаешь, Бев, обыватели считают, что мы должны до окончания дней своих в церкви поклоны отбивать, каяться. Оно тебе надо?

Марго никогда не чувствовала за собой вины за деяния мужа. Вообще, что есть вина, как не бесполезный артефакт из прошлого? Марго наливает еще целый стакан джулепа и выкрикивает, держа кувшин за ручку:

– Лично я не уйду покорно в добрый мрак!⁸

Судя по характерному сигналу, настало время полуденных новостей; от внимания Марго не укрылось, что Беверли напрягается и садится так, чтобы лучше слышать.

– А на соседей рукой махни! Люди всегда сплетничают – такова их натура, – произносит Марго под перечисление новостных тем. – Лично мне скрывать нечего.

– Они вообще знают, кто мы такие? – спрашивает Элси,

⁸ Перефразированная первая строка стихотворения «Не уходи...» (англ. «Do not go gentle into that good night») поэта Дилана Томаса (1914–1953) (Перевод П. Грушко).

набрасывая на плечи легкий шарф. – В смысле, твои соседи? – Видимо, думают, что у нас тут нечто вроде пресловутого клуба разведенков. – Марго тянется за лосьоном для загара и выдавливает изрядную порцию себе на область солнечного сплетения.

– Больше похоже на клуб выживших, – произносит Элси. – Слишком депрессивное определение, – хмурится Беверли.

– Вот именно. И давайте закроем тему. Не хватало мне только депрессии! – Марго закуривает. – Я не прочь приготовить нам всем по «Маргарите». Беверли, где у тебя соль?

Марго встает и бросает газету на стол.

– Большинство убийц прикончили заодно и своих жен или подруг, так что формально – да, мы – выжившие, – поясняет Элси.

Марго закатывает глаза.

– И вдобавок мы – жертвы; не забывай об этом, – добавляет Беверли.

– Извини, Бев, но вот это вот, – Марго пальчиком рисует в воздухе широкий круг, – явно не та обстановка, в которой представляешь себе типичную жертву.

Элси громко фыркает. Ханжа – она ханжа и есть. Марго познакомилась с ней исключительно по настоянию Беверли: та несколько месяцев вела с Элси переписку, они рассказывали друг другу о бывших мужьях. Ну и Бев решила, что Марго не повредит взглянуть на женщину, которая точно так

же влипла.

А впрочем, это ведь правда. Жены преступников – действительно жертвы, и есть в их облике некая общая черта. Марго сама видела – в газетных статьях, в телерепортажах. Особенно бросается в глаза, если преданная жена идет за своим благоверным в суд, убежденная, что ее Джо (Бобби, Фрэнк) просто не может быть в ответе за столь отвратительные поступки. «Он всегда был так добр, – твердит бедняжка журналистам, когда приговор уже вынесен, когда публично раскрыты все чудовищные детали, все неопровержимые факты. – Дома ни разу ни на кого руку не поднял!»

– Мы не безмозглые жеманницы. Мы узнали правду; мы рассердились – и движемся дальше, – выдает Марго.

– По-твоему, это можно назвать продвижением? – спрашивает Беверли. – Я вот лично была вынуждена заново все пережить, да еще и перед толпой копов.

– А я пью коктейль, хотя на часах еще только половина третьего дня; стало быть, двигаюсь дальше, – отвечает Марго.

– А я вырезала целую горку дынных шариков, – жалким голосом сообщает Эlsi.

Когда воздух лиловее, когда солнце, угасая, пятнает горизонт янтарными вспышками на небе, Марго берется по-

мочь Беверли с посудой. Дети уложены спать, Элси укатила к себе в Бербанк⁹, но в гостиной телевизор все еще не выключен, и сквозь стены сочится голос Рональда Рейгана, сетующий на битников и радикалов.

– Ты уже определилась, как отметишь годовщину? – спрашивает Марго, затягивая передник с принтом из бежевых кроликов. – Пять лет – дата, что ни говори.

– А ты как отметила свою дату? – вопросом на вопрос отвечает Беверли, вытирая руки полотенцем для посуды, швыряя его на столешницу мятно-зеленого оттенка. За спиной у нее прерывисто гудит такой же мятно-зеленый холодильник, к которому магнитами прикреплены детские рисунки.

Впечатление, будто правда о Стивене, муже Марго, раскрылась считанные минуты назад – и в то же время кажется, что прошли долгие годы. Марго оборачивается, прислоняется к раковине, натягивает желтые резиновые перчатки; в зубах у нее сигарета.

– Опрокинула десять «Манхэттен» и отключилась на кушетке.

– Марго...

– Ладно, ладно. Я в церковь ходила.

На секунду повисает тишина.

– Марго Грин была в церкви?

⁹ Город в округе Лос-Анджелес, где расположены штаб-квартиры многих медиа- и развлекательных компаний, за что Бербанк называют медиа столицей мира.

Марго и сама знает: где она – и где религия? Церковь – это не про нее. Про нее – голливудские особняки и шифон цвета фуксии. Но верно и другое: в пятилетнюю годовщину она просто не представляла, что делать.

– Разумеется, это было кошмарно; я еле выдержала, – продолжает Марго и, почувствовав резкое отвращение к неприглядному переднику, рывком развязывает тесемки. – Теперь-то уже это дело давнее. – Она бросает передник на разделочный стол, машет рукой. – К чему душа лежит, тем и займись. Ерунда, не ерунда – лишь бы тебе самой не претило.

– Хотела тебе кое-что показать.

Марго умолкает, заинтригованная.

Бeverли шарит за хлебницей, достает конверт.

– Вот что я получила. Вчера кто-то положил мне его на ветровое стекло, «дворником» прижал. Я увидела, когда вышла из зала.

Марго стягивает перчатки, берет конверт, читает.

– Тебя на телевидение пригласили? – Она глядит на Beverли поверх листка бумаги. – Это ради круглой даты?

– Ну да. Местная станция. Мелочь.

– Ничего не мелочь. Ты пойдешь?

– Вообще-то не собираюсь. – Впечатление, будто Beverли заранее продумала ответ. – Не могу я выступать по телевизору. Я вчерашний вечер еле выдержала.

Марго отправляет письмо обратно в конверт, пристально глядит на подругу.

– Ты этим заниматься не обязана, Бев, сама знаешь.

– В смысле? – Рука Беверли инстинктивно касается шеи.

– У тебя радио целый день работает. И телевизор тоже. А взять этот твой альбом – ты ведь туда каждую новую заметку клеиваешь... – Марго известно, что Беверли выискивает и хранит заметки о преступлениях, похищениях женщин, домашнем насилии.

– Просто не хочу пропустить что-нибудь важное.

– Предположим. Но ты ведь понимаешь, что не несешь личной ответственности за безопасность других женщин только потому, что твой бывший муж – убийца? – Марго ловит и удерживает взгляд подруги. – Это не твоя вина.

Беверли тушует, а по радио начинается выпуск вечерних новостей. Снова знакомое напряжение, снова Беверли наострила уши. Наверное, это здорово выматывает – каждую секунду быть начеку.

– Не можем мы удержать мерзавцев от их мерзких дел.

Беверли распахивает глаза – огромные, синие, ясные, полные решимости.

– Так прямо и не можем?

Глава 4

Щелкунчики уже в офисе. Как ни старается Элси приехать раньше них, доказать, что ей очень-очень дорога ее должность, щелкунчики, судя по всему, прямо на работе и ночуют; занимают места за пишущими машинками, едва зажигается свет. Вот тоже – отряд роботов. Иногда Элси вбегает в офис вообще до рассвета, когда только-только открываются табачные ларьки; вот она, с красными, слезящимися глазами влетела в дверь, глядит – а щелкунчики в своих вечных блузках пастельных тонов, с бантами у горла уже стучат по клавишам.

Когда Элси назначили помощницей редактора, Пола Хантера, она вообразила, что вот оно: пробила-таки, еще шаг сделала к мечте – должности штатного репортера в «Лос-Анджелес сигнал». Способности у нее есть, и упорства довольно, и квалификация получше, чем у большинства коллег-мужчин. Идеи репортажей не умещаются в ее записных книжках; она придумала столько новых рубрик! А как она довела бы до совершенства уже опубликованные статьи! Может, ей поручат какую-нибудь колонку? Книжный обзор? Или театральный? Вместо этого Элси постоянно задвигают; она готовит кофе на всю редакцию, печатает письма, а для самых ценных знакомых Пола Хантера добывает билеты на матчи, в которых играют «Нью-Йорк Джайнтс».

Элси садится к своему столу. Здесь идеальный порядок, стопочкой сложены несколько книг – Джоан Дидион, Кэтрин Энн Портер, Трумен Капоте; пишущая машинка у Элси всегда вычищена. Газета раскрыта на странице с почти разгаданным кроссвордом. Осталось вспомнить последнее из ключевых слов – столицу Албании; Элси напрягает ум, когда один за другим начинают появляться коллеги.

Каждому она улыбается, говорит «Доброе утро», прибавляя имя, с достоинством принимает все новые поручения, будто мало у нее своей работы.

– Скажи Хантеру, я жду его замечаний к очерку про Бобби Сила¹⁰. Они что, где-то потерялись?

– У меня встреча с Полом в одиннадцать сорок пять, а мне надо перенести ее на три пятнадцать. Не забудешь, лапонька? Это важно. Я уже Грегсона отловил.

Ну конечно, лапонька не забудет. Лапонька всех вас за пояс заткнула бы, дали бы ей только шанс. Хотя и не покажет, никогда не покажет, что должность ассистентки – отнюдь не ее «потолок». Даром что этак она в ассистентках и завязнет. Просто способные молодые женщины в «Сигнале» не задерживаются. И не потому, что неряшливо печатают. «Выскачка» – вот худший ярлык, который тебе могут навесить. Ага, вспомнила! Элси тянется за ручкой, вписывает в клеточки кроссворда: «Т-И-Р-А-Н-А».

¹⁰ Англ. Bobby Seale – политический деятель, правозащитник, писатель, один из основателей партии «Черные пантеры».

Пол Хантер появляется чуть позже девяти, да не один, а с женщиной. Элси заинтригована. Незнакомка высока ростом, но главное – волосы у нее не завиты и не зафиксированы намертво лаком, как у остальных сотрудниц «Сигнала», а спускаются до плеч свободными, естественными кудрями. И одета она иначе, непохоже на шелкунчиков или ассистенток – ни юбки, ни туфель на высоких каблуках, ни слоя штукатурки. На ней – брючный костюм. От брючных костюмов мужчины теряют головы.

– Минуточку внимания! – Хантер хлопает в ладоши и ждет, когда утихнет вечный офисный гул. Под потолком, как жирная зеленая муха, поблескивает голая лампочка.

– Это наш новый репортер, Патрисия Фаулер, – выдает Хантер. Впечатление, что он указывает не собственно на Патрисию Фаулер, а на ее брючный костюм. – Нам с ней крупно повезло. Она для нас ценное приобретение.

Патрисия как будто хочет заговорить, но ей на запястье ложится рекая рука Пола Хантера.

– У нее огромный опыт, а к нам она пришла прямо из «Таймс».

Щелкунчики синхронно вскидывают брови. Патрисия пронзает взглядом руку Хантера.

– Она будет работать в одной команде с Мэттсоном и Хопом – это что касается мировых новостей; а под началом Хестона Патрисия займется криминальной хроникой и, конечно, местными новостями.

Элси едва сдерживает горькую усмешку. Новенькая, значит, сразу станет репортером, а Элси по-прежнему – девочка на побегушках у Пола Хантера? Ей тоже по плечу работа репортера – она в этом уверена. Правда, у нее нет блестящего опыта в «Таймс», как у этой Патрисии; но и у Патрисии нет против Элси других козырей.

– Работаем, – командует Хантер. – Главы отделов – ко мне в кабинет.

Элси жаждет поучаствовать в утренней планерке; если бы только ее тоже позвали, предложили место за столом, впустили в свой круг, выслушали ее идеи! («Почему бы не осветить роль женщин в антивоенном движении штата Калифорния? Почему бы не написать очерк о Бобби Гибб – женщине, которая просочилась в толпу марафонцев-мужчин и пробежала всю дистанцию?»). Вместо этого Элси наблюдает, как несколько одинаковых фигур вваливаются в кабинет к Полу: брюки у всех оттенка пригоревших тостов; плеши, которых не касается солнце, творожисто-бледны.

Внезапно Хантер встает из-за стола и манит Элси в кабинет, немало ее смутив.

Она глубоко вдыхает и отодвигается на стуле столь поспешно, что ножки скрипят. Неужели свершилось? Наверное, у Хантера открылись глаза, когда он нанял Патрисию. Или у него наконец-то появилась история, для подачи которой нужен женский взгляд. Пусть там все предсказуемо – статистика родов, женское здоровье, свадьба голливудской

звезды – Элси возьмет этот материал.

Она входит; Хантер успел усесться обратно, все обсуждают заголовки. Селмен, заместитель начальника отдела новостей, перечисляет главные дневные события: пропавшие женщины, марши за гражданские права, ненависть Джона Леннона к Иисусу¹¹.

Элси чуть покашливает.

– Да, Элси, что у вас? – резко спрашивает Хантер, тасуя толстую стопку статей.

Элси могла бы их прочесть, высказать свое мнение, сделать корректуру. Руки буквально чешутся, но Элси подавляет порыв протянуть их к бумагам.

Хантер поднимает взгляд.

– У меня сегодня встреча с Хэллидеем. А в баре – засуха. Мне нужен шотландский виски. Сделайте одолжение, принесите.

И машет рукой: мол, все, на выход.

Плечи Элси опускаются сами собой.

– Элси? – Хантер недоволен, что она еще топчется на пороге.

– Да, мистер Хантер.

¹¹ В марте 1966 г. Джон Леннон в интервью британскому изданию высказался в том смысле, что последователи Иисуса Христа тупы и заурядны, а потому христианской вере скоро придет конец. Эти слова, вырванные из контекста и переиначенные, были опубликованы в американском журнале «Дейтбук» и стали причиной травли группы «Битлз». После многочисленных угроз и сожжения пластинок Джон Леннон был вынужден публично извиниться.

Элси закрывает за собой дверь, отгораживается от нарастающего смеха.

Позднее, когда в офис прокрадывается послеобеденное затишье, Элси возвращается с бутылкой виски.

Стучится к Хантеру, обнаруживает, что кабинет пуст, и ставит коричневый бумажный пакет ровно посередине стола. Она уже готова уйти, как вдруг звонит телефон. Элси колеблется. Обычно звонки поступают сначала на ее номер, а уж она переводит их по назначению. И тем не менее нужно ответить. Звонок, наверное, важный; если Элси пропустит его, не избежать ей проблем.

– Кабинет Пола Хантера.

Звонящий не тратит слов впустую. Он – из управления шерифа округа.

– Речь о Джейн Доу, обнаруженной после торжественного вечера. О так называемой Блондинке. Передайте Хантеру, чтобы связался со мной. Я на месте до шести.

Элси торопливо записывает, оставляет листок под бутылкой виски и пытается абстрагироваться от покалывания в кончиках пальцев. Без сомнения, именно об этой жертве вчера сообщила Беверли. Воображение Элси рисует илистый поток, который струится по отделу новостей, от сотрудника к сотруднику. Хантер найдет ее записку, когда вернется; он

позвонит шерифу, распахнет дверь, созовёт репортеров на срочное совещание. Пожалуй, пустят и Патрисию Фаулер. А Элси – не пустят, и сидеть ей за дверью, пока там, в кабинете, вершатся дела.

Снова, всегда – без нее.

Джейн Доу. Элси известен этот юридический термин. Неопознанный женский труп – вот что он означает. Элси медлит на пороге кабинета, бессознательно сжимает и разжимает кулак. В ее власти все изменить; раз в жизни она первая займется происшествием.

Она разворачивается, идет к столу, забирает записку и твердой рукой прячет ее в карман.

Глава 5

– Будь добра, Бев, подай сигареты.

Беверли приподнимает голову (которая покоилась на груди Роджера), шарит на тумбочке, берет пачку сигарет, подавляет желание прихватить и себе сигаретку. Близость с Роджером всегда так на нее действует: Беверли слегка на взводе. Потому что вот эту кровать она делила с мужем, и постельное белье то же самое, в цветочек, хотя и поблекло, и старый матрас, кажется, «запомнил» Генри, сохранил вмятины от его локтей и коленей. Порой по ночам, когда Роджер уходит, эти вмятины видятся Беверли меловым контуром с места преступления. По сути, контур это и есть – затяжное послекусие смерти.

Когда все случилось, Беверли не захотела менять место жительства, как Марго, переехавшая в Лос-Анджелес из Нью-Йорка, или Элси, которая сменила дрянной коттедж в Хейт-Эшбери¹² на еще более дрянную квартирку в Бербанке. Держит Беверли в этих стенах эффект присутствия Генри: ее муж здесь, в диванной обивке, в старинных, мутных стаканах, что задвинуты в глубину буфета.

Беверли возвращается в тепло, излучаемое Роджером. Под ухом у нее стучит сердце Роджера, заглушая мурлыка-

¹² Район Сан-Франциско.

юще радио (транслируют «Мы брели в ночи»¹³). Простыня сбилась к изножию кровати, колено Беверли – на бедре Роджера. Форменная одежда валяется на полу, и только полицейский значок, как всегда, заранее бережно снят и положен рядом с упаковкой валиума¹⁴ (который Беверли периодически таскает у матери из шкафчика в ванной). Спальня погружена во влажную духоту, но Беверли не откроет окно, ни за что не откроет, и Роджер усвоил: об этом и заикаться нечего. Кожу саднит – пот холоден, как вода в горном озере. И запах прелюбодеяния завис над постелью.

Беверли пользуется случаем – спрашивает об убитой женщине. Не ее ума дело, но тот факт, что она оказалась рядом, когда Корнвеллу сообщили об убийстве, намекает на причастность Беверли. Роджер обычно не запирается, выкладывает подробности; Беверли приятно думать, что эта открытость продиктована доверием, а не соображением, что она, Беверли, все равно ничего не поймет, ничего не запомнит.

– Ах, это... – Слова будто придушены проглоченным дымом. – У Корнвелла есть версия: это дело рук Кингов.

Роджер выдыхает дым.

– Чьих рук?

– Да Кингов же; неужели не слышала?

¹³ Англ. «Strangers in the Night», хит в исполнении Фрэнка Синатры 1966 года выпуска.

¹⁴ Очень сильное успокоительное, вызывающее зависимость. Отпускается строго по рецепту.

Он поворачивается, выставляет локоть, пристально смотрит на Беверли; взгляд тверд, как кремь.

– Зря ты, Бев, что ли, газеты штудируешь? Могла бы и знать.

Ощущение, что Беверли у Роджера под опекой.

– Это такая банда, – объясняет он. – Кинги – они изворотливые. Опасные. Убийство – в их стиле.

– Но кто же это?

– Говорю тебе: Кинги.

– Нет, кто погибшая?

– А-а. – Роджер снова затягивается сигаретой; при вдохе четче ямочки на его щеках. Левая рука поднимается, два ее пальца изображают царапающее движение.

– Кавычки открываются, – комментирует Роджер. – Девушка для приятного времяпрепровождения. Кавычки закрываются.

– Роджер!

– Выражение не мое!

Следует смешок.

– Роджер.

– Прости, Бев, но женщины такого сорта сами ищут себе проблем. Так на что же им рассчитывать?

Беверли охватывает гнев.

– По-моему, Роджер, они вправе рассчитывать на то, что не будут убиты.

Он медлит, затем виновато усмехается, качает головой.

– Аргумент принят.

Он весь подается к Беверли, гладит ее предплечья. На некоторое время разговор смолкает.

– Бев, ты неординарная женщина. И тебе это известно, – выдает наконец Роджер и откидывается на подушку. – Не каждая смогла бы обсуждать убийство после того, как...

Но Беверли вовсе не чувствует себя неординарной. Скорее уж – той, которой попользовались задешево. Ей претит быть «другой женщиной». Она с самого начала знала: нельзя, неправильно, нечего и связываться. Уже пять лет прошло с тех пор, как она впервые увидела Роджера с Томом Корнвеллом, да при каких обстоятельствах – Генри в наручниках, над домом зависли вертолеты. Конечно, ей было тогда невдомек, что их жизни переплетутся, что Корнвелл будет осеять их свидания своим зловещим, хоть и незримым, присутствием, что Роджер станет частью повседневности, и страсть тут ни при чем, как и душевное родство. Их случай – из области физики; это про неумолимое притяжение двух точечных зарядов. Вот и понеслось: Роджер заезжает к Беверли после работы, когда ее дети уже спят, а Инид уверена, что мужа задержали дела. Бев и Роджер ложатся в постель; после разговаривают, выпивают. Беверли рассказывает о детях, жалуется на мамаш их одноклассников: стыдят ее в глаза на остановке школьного автобуса. И на собственную мать жалуется: поднаторевшая в критике, Алиса внушает дочери, что Генри сломал детям судьбы – разве не он виноват, что Бен-

джамин не спит по ночам? Что мочится в постель, что склонен к яростным припадкам? Ну а Роджер пользуется случаем вслух предаться воспоминаниям. Говорит об армейской службе, о путешествиях, которые предпринял в юности, о своем чикагском детстве. Беверли начинает дремать, убаюканная его низким голосом, самим присутствием в комнате кого-то, кроме нее самой.

Вот Роджер попрощался с ней; Беверли запирает за ним дверь и заставляет себя переключиться на вечернюю рутину. Первым делом проверяет задвижки на окнах. Затем берет фонарик, всегда лежащий за радиолой, открывает заднюю дверь, но в садик не выходит. Луны уже не видно; ночь ясная, звездная, в воздухе еще пульсирует дневная жара. Беверли включает фонарик и обшаривает его лучом все углы, все не достриженные ею кустарники. Убедившись, что садик пуст, она запирает заднюю дверь, несколько раз дергает ручку. Далее она идет в холл, к буфету. Привалившись к нему всем телом, она двигает буфет вдоль стены до тех пор, пока его край не оказывается напротив парадной двери. Тогда Беверли разворачивает буфет на девяносто градусов; теперь он перпендикулярен двери, а ее дом наглухо задраен, защищен от вторжений из внешнего мира. Беверли идет в гостиную, выносит оттуда стеклянную вазу и три увесистые книги. Наверху буфета вырастает пирамида: книги, одна на другой, на них ваза. Если злоумышленник попытается открыть дверь, ваза упадет, и звон осколков разбудит Беверли.

Наконец, время налить себе горячительного и вынести из кладовки заветную коробку.

В ней – тот самый альбом, полный газетных вырезок, по формату годный для больших семейных фото. Беверли раскрывает его, пальцы касаются первой страницы, замирают над фотографией: в саду у них торжество, Генри возле мангала, вооруженный щипцами; фарш, сформированный в котлеты для гамбургеров, шкворчит, летят брызги. Определенно, редакция журнала выбрала фото, на котором убийца кажется простым парнем, среднестатистическим. Но Генри таким никогда не был, это видно даже внешне – взять хотя бы густейшие черные волосы, взять глаза, словно вытесанные из камня с единственной целью – смотреть на Беверли. В них столько было, в этих глазах; Беверли чувствовала себя как бабочка на булавке. Она помнит, по какому случаю праздник: День независимости, Четвертое июля; их гости – мать Беверли и несколько человек с работы Генри, из компании по продаже кондиционеров. В глазах рябит от звездной полосатости флага, погода как на заказ, пчелы зависли над кустом жасмина. Сама Беверли в блузке без рукавов, с пуговками в виде сердечек. Она еще теребила эти пуговицы, не могла сосредоточиться на обсуждении картофельного салата, в которое ее старательно вовлекали жены коллег мужа. Потому что у нее с Генри вышла ссора – как раз перед тем, как он принял позу у мангала. Беверли купила сосиски не той марки, и за это Генри наорал на нее при всех, а когда гости в смущении

отвели глаза, осуществил собственно наказание. Кисть руки непроизвольно дергается, как тогда, ужаленная раскаленными щипцами, и в ушах – шипение опаляемой плоти. Беверли гладит запястье кончиками пальцев. Вот он, обожженный участок: кожа более светлая, бугристая, с годами загрубевшая.

Беверли расправляет уголки газетной вырезки. Читает заголовок: «УБИЙЦА ПО ПРОЗВИЩУ ТЕПЛОВОЙ УДАР: МАСКА СОРВАНА»; чувствует прежнее недоуменное оценивание.

Быстро пролистывает альбом, куда вклеены статьи о каждом убийстве, совершенном между областью залива Сан-Франциско и городом Сан-Диего. И о каждом преступнике. Бывший муж Элси, Альберт Мосс, тоже здесь. Преподаватель общественного колледжа, он выслеживал женщин, когда заканчивал свои лекции. Альбом Беверли – ловушка; на этих страницах представлены убийцы всех категорий. Те, что забивали женщин насмерть молотками; те, что ехали в своих авто за припозднившимися девушками. Ни один не пропущен – Беверли на чеку. Когда в Сакраменто без вести пропала женщина, Беверли добавила заметку об этом в свой альбом. Когда в Санта-Марии женатый мужчина застрелил бывшую подругу, Беверли взялась за ножницы, и аккуратно вырезанной статье нашлось местечко на чистой странице.

Она просматривает статью за статьей. Всегда одно и то же: убийце посвящены целые параграфы, а жертва отодвинута в

сторонку, ей достается констатация факта, сделанная шепотом. Если же и выделяют жертве пару строк, то лишь затем, чтобы донести до читателей: она сама нарвалась. Выделилась из толпы. Допоздна засиделась на работе ли, в гостях ли. Позволила поцелуй. Надела короткое платье. Не прошла за годя курсы самозащиты. Уродилась хорошенькой. Или недостаточно хорошенькой. Растолстела. Не вышла ростом. Была яркой, амбициозной, заявляла о себе в полный голос. Словом, виновата уже тем, что женщина. Для женщин нормально, естественно всюду видеть смертельную опасность, такова их доля; пусть вечно просчитывают риски, делают выбор.

Бeverли долистывает до чистой страницы, берет ножницы и пузырек универсального клея. Подходит к стопке газет, что лежит на столе, достает «Лос-Анджелес таймс» – тот самый номер, который вчера забыла здесь Марго.

Пропустив заметки о космических миссиях и маршах за гражданские права, Беверли добирается до крошечного фотона последней странице. Разглаживает бумагу, чтобы получить максимально полное впечатление. Не думала Беверли, что об этом убийстве напишут так скоро, но вот же нечеткий снимок с места происшествия: каталка, на ней мертвое тело (голова скрыта мешком); полицейская желто-черная лента; сбоку видны край тротуара и фонарь.

ПОЛИЦИЯ ЗАНЯТА ОПОЗНАНИЕМ ЗАГАДОЧНОЙ ЖЕРТВЫ

Собственно, статья – чисто формальное перечисление немногих подробностей, но Беверли сразу ясно: речь именно о той женщине, что погибла в вечер ежегодного торжественного собрания сотрудников полиции; о той, кого Роджер называл «девушкой для приятного времяпрепровождения».

Да, возможно, она и продавала себя. Но она – человек, женщина вроде самой Беверли. Ее суть утеряна, замазана, замещена шокирующей картинкой: труп в мешке, задние колеса готовых тронуться полицейских автомобилей.

Картинка дает толчок памяти, и Беверли снова видит резкий свет прожекторов, расширенные глаза Тома Корнвелла и того, другого полицейского внизу лестницы. Беверли касается пальцами газетного фото, представляет группу мужчин в форме: приглушенный спор, напряженные взгляды. Тело хрупкой женщины на тротуаре – как заброшенное жилище, из которого ушла сама жизнь. Беверли в тот вечер была совсем рядом с местом убийства – разве это не знак, что они не чужие – она и эта несчастная?

«Нестандартное дело, – сказал Корнвеллу тот полицейский. – Вас заинтересует, шеф». Беверли отчетливо помнит его слова. А вот Роджер не назвал ни единой необычной подробности. Не написано о них и в статье.

Бевеpли берет газету в руки, подносит ближе к глазам, всматpивается в фото.

«О чем они все умалчивают?»»

Глава 6

Беверли вспомнила, *что* полицейские говорили о Джейн Доу; всполошилась, позвонила Элси и заодно спросила, не слышала ли Элси о банде Кингов и не может ли узнать о них что-нибудь в своей редакции. Сначала Элси удивилась – с чего это Бев проявляет такой интерес к убийству? Потом ей на ум пришли альбом с газетными вырезками и потребность подруги выискивать и распределять по категориям плохие новости. Видимо, так Беверли поддерживает в себе ощущение, будто зло у нее под контролем и она не дает ему распространяться. А с этим убийством и впрямь нет ясности: полицейские определенно что-то недоговаривают. Словом, Элси почувствовала себя заинтригованной. И потом, она ведь журналистка (ладно, пусть всего лишь ассистент главного редактора); разве не ее профессиональная задача – пролить свет на это преступление?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.